1. В настоящее время многие представители современной русской поэзии заявляют о наличии в их регионах самостоятельных поэтических школ. Считаете ли Вы, что в современной русской поэзии способны существовать и развиваться полноценные поэтические школы?

2. Является ли разделение поэзии на отдельные школы полезным для литературы? Способствует ли объединение поэтов в школы развитию их поэтического потенциала либо, напротив, подавляет их способности?

3. Какие наиболее значимые школы современной русской поэзии Вы можете выделить?

4. Существует ли, по-Вашему, самостоятельная поэтическая школа в Вашем регионе?

5. Относите ли Вы себя к какой-либо региональной поэтической школе? Почему?

Антон МЕТЕЛЬКОВ, г. Новосибирск:

1.Основной вопрос (и предмет разногласий) заключается в том, что мы подразумеваем под словами «поэтическая школа». Я пользуюсь этим понятием, но с изрядной долей абстрагированности. Мне кажется, наличие и развитие поэтических школ возможно и необходимо. При этом, с одной стороны, оформление такой школы является волевым кураторским жестом, с другой стороны – оно должно быть следствием естественного хода вещей. Это как с документальным кино или с любым нон-фикшн в принципе: мы имеем делос субъективным, авторским взглядом на объективные обстоятельства. И уж конечно, я противник агрессивного насаждения искусственных принципов организации школы. В первую очередь здесь важен аккуратный исследовательский подход, и уже во вторую – те или иные активные действия.

2. Мир поменялся и стал гораздо более тесным, чем раньше, поэтому и явление отдельной поэтической школы (связанное не только с тем или иным коммуникационным полем, но и с условиями жизни, социальной обстановкой, культурной памятью и т. д.) приобретает теперь, когда так легко быть похожими друг на друга, особую ценность. Разумеется, каждый поэт – отдельный мир, и его родина – язык. Но ничто не мешает составить из имеющихся звезд карту звездного неба. Существуют и совсем уж элементарные, прикладные эффекты от «провозглашения» поэтических школ: поэтов (и хороших поэтов) в России огромное количество, а институты экспертизы (журналы, премии) постепенно сходят на нет, поэтому условное деление на поэтические школы можно рассматривать и как определенную вариацию института экспертизы. Причисление к той или иной поэтической школе не может ограничивать поэта (это то же самое, что утверждать, что тебя ограничивает наличие двух рук), напротив – это помогает, если говорить пафосно, пониманию себя, пониманию мира, своего места в мире. Прекрасным примером здесь является поэт Владимир Пшеничный, который пишет очень современные стихи, но при этом видно, что пишет он их в Томске, а не где-нибудь в Бостоне.

3. Сегодня, с той или иной долей условности – Урал, Сибирь, Поволжье (наверное, допустимо и более мелкое дробление), определенные направления в Москве и в Питере. При этом вошедшие в историю поэтические школы – например, Лианозовская школа или Филологическая школа, или, скажем, Заозерная школа в Ростове-на-Дону – все это объединения очень разных авторов. И мне кажется, это как раз один из действенных принципов формирования школы – не по изначальной схожести, а наоборот – по различности (что-то подобное происходило в Новосибирске в 2010-е).

4.Можно говорить (широко) о Сибирской и (более узко) о Новосибирской поэтической школе, основу которой составляет, как мне это видится, примитивистская поэтика с наложенными на нее различными обертонами. Ядром Сибирской поэтической школы я считаю Новосибирск, где в 1960-х – начале 1970-х гг. случился феномен ЛИТО Фонякова, вокруг которого сплотилось более десятка первоклассных авторов (Анатолий Маковский, Иван Овчинников, Александр Денисенко, Нина Садур, Жанна Зырянова, Адольф Белопашенцев, Михаил Степаненко, Владимир Ярцев, Анатолий Соколов, Петр Степанов, Евгений Лазарчук, Юниль Булатов, Евгений Минияров и др.). Однако, когда я стал пристальнее исследовать поэзию в соседних регионах, оказалось, что почти в каждом из них были поэты со схожим языком и сопоставимыми судьбами. Самый известный из них, вероятно, Аркадий Кутилов из Омска. Можно также упомянуть (если говорить о старшем поколении) Владимира Поташова из Кемерова, Владимира Брусьянина из Томска, Анатолия Кыштымова из Абакана, Александра Сокольникова из Иркутска, Геннадия Лысенко из Владивостока – это, конечно, далеко не все. И важными – как для Новосибирской, так и для Сибирской школы – здесь становятся не только общие черты (например, определенная неровность речи, её дыхания), но и различия, формирующие спектр вариаций новосибирской и сибирской поэтики. Это особенно заметно на примере трех наиболее значимых представителей новосибирской поэзии – Маковского, Овчинникова и Денисенко, которые отталкиваясь от разных отправных точек и затем попадая в единое поле, затем вырабатывают свои собственные языки, в которых, тем не менее, слышится эхо их товарищей.

5. К этой же школе я отношу и себя. Причем сам бы я никогда, наверное, и не задумался, в какой степени нахожусь под её влиянием, если бы Данила Давыдов однажды не назвал моих учителей с полной определенностью. Традиция, идущая от ЛИТО Фонякова, непосредственно передалась следующему поколению новосибирских поэтов (Станислав Михайлов, Юлия Пивоварова, Владимир Светлосанов и др.), одновременно с этим обретя еще ряд траекторий развития (Игорь Лощилов, Борис Гринберг, Андрей Щетников, Янка Дягилева и др.). Не менее яркие явления возникли в это время в Томске (Макс Батурин, Андрей Филимонов, Николай Лисицын), Барнауле (Наталья Николенкова, Михаил Гундарин, Владимир Токмаков), Братске (объединение «Шклинда»). В своем поколении (ему предшествовало появления двух таких замечательных авторов как Антон Сурнин и Виктор Іванів) я считаю себя прямым продолжателем этой традиции. Но, думаю, в не меньшей степени ей наследуют и такие новосибирские авторы как Сергей Шуба или Виталий Красный.

Этот культурный слой действительно очень много для меня значит – Маковского, Овчинникова и Денисенко я считаю своими учителями. И здесь, как я уже говорил в несколько иной форме, основную роль играет школа жизни – их и нашей жизни.

Андрей ДМИТРИЕВ, г. Нижний Новгород:

1. Думаю, что ещё не в столь далёком прошлом существование множества поэтических школ было обусловлено в первую очередь изолированностью литературных сообществ. В отсутствие интернета и фестивалей, при наличии советской жёсткой цензуры самобытная поэзия формировалась в регионах отчасти, как субъективное толкование тенденций прошлого и настоящего (в том числе вычеркнутых из официальных источников и преданных забвению) с опорой на просачивающуюся информацию. Определение собственного места в таком размытом пространстве требовало самостоятельного поиска недостающих фрагментов. Сейчас же в условиях разветвлённой сети коммуникаций, лёгшей на поэтическую карту, уже трудно представить эндемиков даже среди самых заповедных литературных ландшафтов. Из любой точки мира в два клика находятся и открываются тысячи краеугольных для современной поэзии текстов, и с такой же скоростью публикуются тысячи других, готовых продолжить этот ряд.

Впрочем, авторы в регионах по-прежнему тяготеют к объединению, хотя речь, зачастую, идёт об элементарном стремлении к общности, а не о создании почвы для формирования каких-то новых

смыслов и векторов. Что ж, уютная среда для интеллектуального досуга и живого общения людей, имеющих общие интересы, тоже выполняет важную социокультурную функцию. Вот только поэтическая школа это всё-таки нечто большее.

Если брать непосредственно Нижний Новгород, то здесь можно встретить целый ряд литературных объединений. Большинство из них традиционалистского толка, что для консервативной провинции вполне объяснимо. Однако само понятие «традиция», учитывая несколько веков беспрерывного развития культуры, очень трудно, на мой взгляд, поддаётся какому-то унифицированному определению. Правда, такая попытка была предпринята в СССР, она сводилась к упрощению с расчётом на максимально широкие массы, а также к вычленению идеологически созвучных образцов культурного наследия, что превратило традиционализм в чисто прикладную форму.

Эта форма послужила лекалом для советской литературы, адепты которой были в стране единственными легализованными авторами с обязательным членством в Союзе писателей СССР. Союз имел широкую сеть представительств в административных центрах, что и выполняло роль региональных литобъединений. С изменением политического режима государственное регулирование в сфере литературного творчества прекратилось, равно как и финансирование Союза писателей, однако его осколки смогли адаптироваться, найти поддержку, потому и продолжают по сей день представлять официальную культуру, ведь, она по большей части по-прежнему следует прикладному унифицированному принципу.

Говорить о формировании современного поэтического языка в этой среде не приходится, литераторы, прежде всего, заняты там поддержанием эффекта узнаваемости и оправданного ожидания, что не требует интеграции в современный процесс и ориентирования в новейших литературных течениях. Членов этих объединений вполне устраивает существование их текстов внутри своей локальной сети. Такой комфорт создаётся за счёт административного ресурса региональных министерств культуры, а также посредством созданного цикла замкнутого производства: собственные иерархия, издательские и концертные площадки, критика, эксперты, механизм поощрений и целевая аудитория. Амбиций выхода вовне, где правит конкурирующее и, в то же время, взаимодополняющее многообразие, нет. Впрочем, традиционализм – не есть плохо, беспомощен он лишь тогда, когда не произрастает из накопленного богатства, а копируется по заданному шаблону, хотя копия априори проигрывает оригиналу. Самобытные авторы, понимающие это, в тех объединениях, к счастью, имеются, именно они и являются стержнем, однако его не хватает для статуса региональной школы.

Свой круг есть и у представителей так называемой «актуальной» поэзии, но он видится, скорее, лишь ретранслятором современных процессов, происходящих преимущественно в Москве и Петербурге – двух исторически главных культурных центрах страны. Провинция более инертна, поэтому то, что в столицах давно стало неотъемлемой частью литературной жизни, а где-то даже постепенно переходит в разряд классики, здесь ещё кажется чем-то революционным. Несмотря на то, что сама «актуальная» поэзия практически исчерпала резерв новизны форм, провозглашённой одним из главным своих преимуществ, и тем самым загнав себя в предсказуемый тупик, в таких архаичных по духу местах, как, например, Нижний Новгород, её претензии пока ещё сохраняют остроту, хотя уже далеко не ту, и это с каждым годом всё очевиднее.

Тому, на мой взгляд, есть и другая причина: роль самих текстов, как авторского высказывания, становится ролью второго плана, уступая авансцену обстоятельным и долгим учёным разговорам о них, что начинает казаться единственным поводом для такой поэзии, хотя, безусловно, служит развитию филологической мысли в целом. Увы, всё меньше живых выступлений авторов, всё больше конференций, лектор – вот кто, главным образом, говорит сейчас от лица «актуальной» поэзии, однако голосом поэтических школ по определению должны быть непосредственно стихи, безусловно, нуждающиеся в обсуждении и экспертной оценке. Таким образом, и здесь всё сводится к прикладной функции, в данном случае к научно-опытной. Думаю, отсутствие в городе филфака поставило бы под сомнение существование подобных объединений, но хорошо, что такое сообщество есть, без него палитра лишилась бы свежих красок.

На нижегородском пространстве, представленном упомянутыми и другими литературными объединениями, я пока не вижу русла, течение которого могло бы добавить русскоязычной поэзии заметных интонаций, но есть отдельные авторы, за чьими текстами пристально слежу, считая их событием не только местного масштаба. Эти поэты работают в самых разных манерах и не принадлежат к какому-то одному кругу, что не так уж и важно на самом-то деле. В конечном счёте, вывалившись даже из самой тёплой на свете компании, ты всё равно оказываешься один наедине со своими строчками, ведь творчество – не командная игра.

Скорее всего, у других нижегородцев возникнет иное мнение, а у кого-то и вовсе совершенно полярное. Это нормально, поэзия должна работать адресно, а мы все разные. И уж совсем не такими, должно быть, окажутся выводы представителей других городов и весей, где, вполне вероятно, ситуация совсем не та. Могут ли существовать сейчас региональные поэтические школы? Наверное, могут, но для этого нужны предпосылки гораздо весомее, чем единая локация.

2. Разделение на школы, как мне кажется, если и является полезным, то исключительно для самих авторов, ищущих общения с единомышленниками. Взаимопонимание создаёт благоприятную обстановку, в которой хочется и жить, и работать по максимуму. А литература прирастает не школами, а всё-таки текстами.

3. Безусловно, многие векторы развития поэзии продолжает задавать Москва, просто в силу сосредоточения там энергии всего русскоязычного пространства, которая генерируется и направляется по всем направлениям. Петербург, хоть и продолжает оставаться культурной столицей, всё-таки уже не так очевиден, как сфера влияния. Мне он видится по-прежнему «гением места», но со всё более московскими подходами при самореализации, даже внутри стихотворных текстов. Своеобразие поэтик продолжают демонстрировать Урал и Сибирь, идя, пожалуй, не от передовых мировых тенденций к изобразительным ресурсам русского языка, а, скорее, наоборот – пытаясь дополнить опыт отечественной поэзии за счёт открытия границ. Сильными литературными центрами являются города Поволжья, хотя отчётливые очертания сформировавшихся школ мною пока не замечены. Впрочем, выделяющиеся из общего контекста группы авторов встречаются.

4. Как я уже выше говорил, в Нижнем Новгороде есть целый ряд объединений, решающих собственные эстетические задачи. В одних случаях это клубы по интересам, в других – дискуссионные площадки, в третьих – сцена для выступления или возможность быть где-нибудь опубликованным. Вариант существования сообщества, как творческой лаборатории, в глубинах которой происходит некий синтез, я, увы, припомнить не могу.

5. Если бы поблизости существовала поэтическая школа, к тому же принципы, ориентиры и художественное видение которой я бы разделял, скорее всего, был бы уже её представителем. Однако в данный момент, не состою ни в каких объединениях. Вероятно, вместе с амбициозной юностью прошла и тяга к шумным собраниям, их коллективные возможности я в своё время сильно идеализировал. Свобода от тесных рядов позволяет быть одинаково чутким к любым жизнеспособным колебаниям внутри культурной среды. А что касается творческой общности, то мне невероятно повезло. Моя супруга Наталья Емельянова тоже пишет стихи и прозу. Она мой соратник и единомышленник. Мы часто обсуждаем классическую и современную литературу, делимся мнением о прочитанном, показываем друг другу только что написанные тексты, ну и, вероятно, испытываем взаимное влияние. Лично для меня это и есть в некотором смысле поэтическая школа, наша маленькая творческая лаборатория.

Михаил РАНТОВИЧ, г. Кемерово:

1. Существование и развитие таких школ в каком-то смысле неизбежно. Людей, пишущих стихи, огромное число, а поэтов первого и даже второго ряда среди них много быть не может, и масса всегда будет стремиться организовать свою и чужую литературную жизнь. Отсюда недалеко до провозглашения собственной поэтической школы, которая, будучи больше отдельно взятого поэта, даёт ему своего рода индульгенцию.

2. Я не думаю, будто поэтические школы могут приносить какую-либо пользу, но и не хочу их излишне демонизировать. Скорее это неизбежное зло. Поэт — индивид и индивидуалист, он чужд корпоративного сознания (хотя он и существо социальное), а потому объединение в официальные группы вряд ли способно оказать на его дарование положительное или отрицательное воздействие. Вероятно, реализация поэтического потенциала зависит от совсем других факторов.

3. В связи с тем, что сказано выше о пользе школ, — никакие. Разумеется, на слуху так называемая уральская поэтическая школа в силу, если можно так выразиться, своей крикливости.

4. Говорить о поэтической школе в Сибири вряд ли можно хотя бы потому, что, кроме одноразовых вылазок (см., например, статью Антона Метелькова «Сибирская поэтическая школа» в журнале «После 12», 2018, № 1–2), не проводится никакой систематической работы по созданию жизнеспособного образа, не то что механизма такой школы. К тому же, насколько мне известно, и из местных поэтов мало кто готов причислить себя к какой-либо школе.

5. Нет, не отношу. Я не только не вижу того, что можно было бы назвать сибирской поэтической школой (см. ответ на пункт четвёртый), но, как исключительный практик, всегда больше занят частными художественными задачами.

Марина УЛЫБЫШЕВА, г. Калуга:

1. Если считать за поэтическую школу объединение поэтов, близких по духу, общающихся друг с другом, влияющих друг на друга, то – почему бы не допустить, что они способны и существовать и развиваться и даже не по одной в регионе. Насколько они полноценные покажет время.

2. Не могу назвать этот процесс – разделением, а скорее – объединением по группам. Разделение тут условное, часто или региональное, или буквально по принадлежности к какому-то объединению. Если обобщать эти явления то, можно, наверное, объединить по общим признакам разные региональные поэтические школы в отдельные направления в поэзии. Но это серьёзная литературоведческая работа. Не знаю того, кто за нее взялся бы.

Объединение поэтов в школы – круги общения – считаю очень полезным, ведь оно происходит на свободной основе – никто никого не заставляет подстраиваться под какие-то особые правила, скорее объединяет именно – дух – взгляды на то, что красиво в поэзии, что – не красиво. Когда же объединение происходит на изначально придуманных правилах, как было, например, с Куртуазными маньеристами, то это, увы, способствует не развитию таланта, а укладыванию его в прокрустово ложе. Да, они выделились на общем фоне, но некоторые – в ущерб своему таланту.

3. Для меня это – поэты, объединенные Волошинской премией и Булгаковским домом (наверное, это самое большое объединение, курируемое Союзом российских писателей, включающее близких по духу – разных поэтов), а также – уральцы, омичи, кемеровчанеи питерцы.

4. Да, конечно. Называется – Союз Поэтов. Туда входят, на мой взгляд, лучшие поэтические силы Калужского края – Александр Трунин, Дмитрий Кузнецов, Владимир Обухов, Игорь Красовский, Павел Тришкин, Ольга Шилова и другие. Я – председатель этого Союза. Мы дружим с близкими по духу поэтами ближайших регионов, некоторые даже считают себя нашими членами, как, например, московский поэт Геннадий Калашников, который постоянно бывает в Калуге. Я бы зачислила в наш Союз Поэтов и мою давнюю омскую подругу Елену Берсон, которая хоть и живёт в другой стране, но мы – «на связи». Можно было бы сформулировать и принципы нашей школы, которые разделяют все наши поэты, но, к сожалению, здесь для этого нет места.

5. Разумеется. И не к одной. Это, прежде всего, Союз Поэтов в Калуге, о котором я уже сказала. Это сибирская, более конкретно - омская поэтическая школа (ещё более конкретно - выходцы литературного объединения под руководством Татьяны Четвериковой – Игорь Косицын, Юрий Перминов, Павел Радзиевский, Марина Безденежных, Георгий Бородянский и другие), а также я себя отношу и к той самой большой поэтической школе, объединённой Волошинской премией и Союзом российских писателей.

Нина ЯГОДИНЦЕВА, г. Челябинск:

1. В прагматическом понимании эпохи пост-постмодерна «школа» – это наличие лидера или группы лидеров и их прямых последователей, тех, на кого лидеры оказывают идейно-эстетическое влияние. Манифестации современных «региональных поэтических школ» в основном инструмент борьбы за лидерство, такой смешной способ объявить свою монополию на определённой территории (поэтический диапазон всегда естественно шире и гораздо богаче заявленного), а в масштабе страны – инструмент продвижения лидера или лидерской группы, потому что в одиночку заявить о себе гораздо сложнее.

2. Регионализация поэзии – явление скорее тревожное, свидетельствующее о дальнейшем разрушении единого литературного пространства страны, которое и так сегодня сложно назвать единым. Тут вполне уместно поставить вопрос: зачем эта регионализация? Только ради власти и пиара? Ограниченность рамками школы ни к чему хорошему не приводит. Поэтам нужно объединяться не с поэтами, а с жизнью во всех её аспектах – культурном, социальном, природном, космическом… Иначе поэзия из высокого диалога вырождается в бесконечное самолюбование или самобичевание.

3. По вышеизложенным причинам – не могу выделить никакую.

4. У нас заявлено наличие уральской поэтической школы, которая охватывает далеко не все поэтические явления. Развитие в русле пост-постмодернистских концепций роднит её со множеством подобных явлений в других регионах. Это, скорее, хорошо продуманный и последовательно осуществляемый пиар-ход для продвижения практически одного лидера – Виталия Кальпиди. Несмотря на обилие изданий и акций, другие имена школы практически остаются в полутени или тени.

5. По всем вышеизложенным причинам – конечно, нет. Поэзия, к счастью, остаётся свободной стихией даже в смутные времена. С 1994 года я занимаюсь литературно-творческой педагогикой: студии, мастерские, школы, семинары… И считаю, что сегодня понятие «школа» более актуально в прямом смысле, нежели в современном спекулятивно-прагматическом и даже в литературоведческом – он обычно появляется постфактум, когда литературные течения и направления обретают завершённость и отчётливость.

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ, г. Омск:

1. Я считаю, что говорить о «школе» какой бы то ни было преждевременно, должно пройти определённое время. Сложно и отнести того или иного автора к школам. На мой взгляд, школы необходимы неуверенному в себе, слабому автору, которому необходима некая подпорка – он и ищет её в писателях старшего поколения. Школы важны лишь тогда, когда они действительно учат и развивают, а не тянут назад, заставляя писать по уже установившимся канонам.

2. Для истории литературы это несомненно полезно. Для авторов как личностей – не уверен. Считаю, что школа поэту/писателю необходима ради того, чтобы однажды «закончить» её и выйти за её пределы.

3. Несомненна уральская поэтическая школа – там есть и своя история, и свои корифеи, законодатели мод, и – что самое главное – эта школа развивается, не стоит на месте. Нельзя подражания кому-либо (Бродский, Полозкова) считать самостоятельной школой.

4. Нет, таковой школы в нашем регионе нет. Есть даровитые творческие индивидуальности, есть попытки связать их в нечто единое, но нельзя какие-то общие места (сильные концовки, например) считать особенностями региона.

5. Не отношу, мне и не нужна школа, так как я работаю в экспериментальных жанрах – школа потрясёт основы эксперимента, строки мои снова окажутся в законах и кирпичах.